

— *Андрей Ѳеодоровичъ Зезюлинскій.* (Некрологъ). 31 марта, послѣ долгой и тяжелой болѣзни, скончался въ Вильнѣ преподаватель Литовской Дух. Семинаріи по кафедрѣ основнаго, догматическаго и нравственнаго богословія А. Ѳ. Зезюлинскій. Покойный былъ сыномъ бѣднаго и многосемейнаго священника с. Ковалей, Рославльск. у., Смоленской епархіи. Первоначальное образованіе получилъ въ Рославльскомъ дух. училищѣ, а среднее—въ Смоленской Семинаріи. Дѣтство и юность А. Ѳ. про-

текли въ суровой обстановкѣ бѣдности и всякаго рода тяжелыхъ матеріальныхъ лишеній. Такая обстановка пагубно вліяла на физическое здоровье его отъ природы крѣпкаго организма и не благопріятствовала полному и широкому развитію его исключительно богатыхъ дарованій. Покойный нерѣдко среди своихъ друзей съ грустью вспоминалъ суровые годы своей юности, горько жалуясь на то, что тяжелая матеріальная нужда лишила его возможности свободно избрать для себя то поприще жизни и дѣятельности, къ которому онъ имѣлъ особую склонность. (А. Э. питалъ особую любовь къ военному дѣлу и поражалъ обширными и глубокими познаніями въ области военной исторіи и военной техники.). По окончаніи курса А. Э., какъ первый и выдающійся студентъ Семинаріи, былъ посланъ на казенный счетъ въ Спб. Дух. Академію, которую блестяще окончилъ въ 1897 году первымъ кандидатомъ, и былъ оставленъ при Академіи профессорскимъ стипендіатомъ на два года, для приготовленія къ профессорской должности. Въ это то время, получая, по званію профес. стипендіата, всего лишь 56 руб. въ мѣсяць жалованья и не имѣя никакихъ другихъ средствъ, покойный и надломилъ свое здоровье усиленными научными занятіями, при весьма неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ гнилой Петербургской природы и среди матеріальныхъ лишеній. Приказомъ Об.-Прокурора Св. Синода, отъ 23 сентября 1899 года, А. Э., впредь до освобожденія профессорской кафедры въ Академіи, былъ назначенъ преподавателемъ въ Литовскую Дух. Семинарію. Явившись къ мѣсту своего новаго служенія, А. Э. скоро серьезно заболѣлъ: въ февралѣ 1901 года, послѣ легкой простуды, явно и рѣзко обнаружился у него злой недугъ - туберкулезъ легкихъ. По настоянію друзей, больной немедленно, 17 февраля, отправился въ Крымъ, гдѣ пробылъ до 1 мая, а въ іюнѣ мѣсяцѣ того-же 1901 г. отправился на кумысь въ Уфимскую губернію, гдѣ уже пробылъ все лѣто. Благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ, развитіе туберкулезнаго процесса было пріостановлено, и покойный въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1901 года, совершенно оправившись отъ своей тяжелой болѣзни, съ новой энергіей началъ свою нелегкую педагогическую дѣятельность. Среди своихъ сослуживцевъ покойный выдавался особою, необычною скромностью. Къ своимъ обязанностямъ покойный относился со щепетильной добросовѣстностью:

его классныя лекціи по богословію поражали глубиною содержания, отличаясь въ то же время простотою и ясностью. Ученики благоговѣли предъ своимъ учителемъ, и Семинарія имъ гордилась. Профессоръ Орнатскій, производившій въ 1909 году, по опредѣленію Св. Синода, ревизію Семинаріи, далъ объ А. Ө. самый блестящій отзывъ, какъ о выдающемся богословѣ и увлекательномъ преподавателѣ, при чемъ усиленно приглашалъ его принять участіе въ работахъ Учебнаго Комитета по выработкѣ новыхъ программъ и составленію новыхъ учебниковъ по богословскимъ предметамъ. А. Ө. отъ даннаго предложенія рѣшительно отказался, указывая на то, что Учебный Комитетъ имѣеть возможность воспользоваться трудами лицъ, болѣе его свѣдущихъ и опытныхъ. Однако же дѣйствительною причиною такого отказа былъ злой недугъ, съ которымъ покойному съ каждымъ годомъ все труднѣе и труднѣе приходилось бороться. Это же обстоятельство было причиною отказа А. Ө. занять профессорскую кафедру въ Спб. Академіи. Послѣдняя не забыла своего даровитаго питомца и два раза предлагала ему профессуру, но покойный оба раза съ грустью отказался отъ предложенной ему высокой чести, сознавая всю тяжесть своей болѣзни и всю трудность борьбы съ нею. И дѣйствительно, въ тяжелыхъ условіяхъ трудовой и матеріально необезпеченной жизни семинарскаго педагога приходилось покойному вести еще болѣе тяжелую борьбу съ своей болѣзнью. Онъ отлично зналъ, чѣмъ страдаетъ, очень много читалъ и зорко слѣдилъ за медицинской литературой по данному предмету, а погому и въ жизни своей держался опредѣленнаго и очень строгаго режима. Все свободное отъ обычныхъ учительскихъ занятій время онъ посвящалъ упорному лѣченію, и тѣмъ поддерживалъ свои увядающія силы. Злой недугъ сковалъ его могучій духъ желѣзными тисками, не давая ему возможности развиться во всей своей полнотѣ, проявить себя во всю ширь своихъ рѣдкихъ и великихъ дарованій. Невыразимо тяжело было глядѣть на высокую, худую и сгорбленную фигуру покойнаго, съ постоянно грустнымъ взоромъ живыхъ глазъ, зная, что эта жалкая внѣшность скрываетъ собою большого человѣка, въ лучшемъ смыслѣ этого слова! Не имѣя возможности, по болѣзни, занимать уроки внѣ семинаріи, покойный долженъ былъ довольствоваться

скуднымъ содержаніемъ, а потому всегда терпѣлъ матеріальную нужду, всячески ограничивая себя во всемъ. Такъ уныло, безъ свѣта и радостей, протекала жизнь выдающагося человѣка, незамѣтно, но быстро приближаясь къ роковой развязкѣ. Минувшую осень и зиму, съ ихъ непрерывными дождями, грязью, сыростью и тяжелыми эпидемическими болѣзнями Вильна долго будетъ помнить. Всегда очень тяжело было покойному переживать это время года, онъ однако крѣпился послѣ хорошаго лѣтняго отдыха; но въ половинѣ ноября не выдержалъ, почувствовалъ недомоганіе, прекратилъ посѣщеніе семинаріи и на этотъ разъ уже навсегда! Туберкулезный процессъ въ обоихъ легкихъ сталъ быстро развиваться. Коллеги и друзья, посѣщая покойнаго, видѣли, что единственнымъ спасеніемъ для него является поѣздка куда-либо на югъ, но больной и слышать объ этомъ не хотѣлъ. По временамъ онъ чувствовалъ себя довольно хорошо, такъ что являлась надежда дожидаться болѣе теплаго времени, чтобы съ меньшимъ рискомъ отправиться въ путь. Въ началѣ марта рѣшено было отправить больного въ одну изъ санаторій Крыма, но на состоявшемся 15 марта консиліумѣ врачи признали для него такую поѣздку невозможной и уже бесполезной, въ виду скорого и неизбежнаго конца. Сослуживцы и друзья А. Θ., пораженные столь тяжкимъ приговоромъ, старались теперь лишь объ одномъ, чтобы послѣдніе дни его земной жизни сдѣлать для него наиболѣе покойными и чтобы приготовить его къ исполненію послѣдняго христіанскаго долга исповѣди и Св. Причастія. Больного по очереди ежедневно навѣщали, долго сидя у его постели и стараясь немедленно исполнить всякое его желаніе. 31 марта, въ виду особой слабости покойнаго, сослуживцы съ самаго утра до 5 ч. пополудни почти непрерывно другъ за другомъ сидѣли у его постели; около 6 ч. вечера семинарскій духовникъ послѣ исповѣди напутствовалъ его Святыми Дарами, а около 7 вечера тихо, какъ и жилъ, Андрей Θεодоровичъ окончилъ свой тяжкій земной подвигъ, на 41 году отъ роду и на 16 году послѣ окончанія наукъ въ Спб. Дух. Академіи. Во время погребенія были въ Вильнѣ два брата покойнаго: свящ. Свирской г. Смоленска церкви о. Сергій Зезюлинскій и ст. сов. Николай Θ. Зезюлинскій (окончилъ Смоленскую Семинарію въ 1882 и СПб. Академію въ 1886 г., состоялъ чиновникомъ при

Главномъ управленіи государств. коннозаводства; извѣстенъ статьями въ Ж. М. Н. Пр. и Журналѣ Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества, членомъ коего состоитъ; нынѣ вышелъ въ отставку и проживаетъ въ СПб). Почившій погребенъ на Евфросиніевскомъ кладбищѣ.

(„Вѣстн. Вилен. Св.-Дух. Братства“, № 9 и 10).

— *Изъ воспоминаній о С. А. Рачинскомъ.* С. А. Рачинскій пріѣхалъ въ Меженинку наканунѣ дня экзаменовъ и ночевалъ у своей родственницы, домъ которой отстоитъ отъ училища въ нѣсколькихъ стахъ саженьяхъ. Часы дребезжащимъ звономъ, подобно звону разбитаго чугуна, пробили ровно девять разъ. Терпѣніе наше лопнуло. Гурьбою повалили мы къ дому. Наконецъ, изъ парка имѣнія показалась группа людей. Намъ сказали, что это идетъ С. А. въ сопровожденіи другихъ членовъ испытательной комиссіи. Сердца наши замерли и наполнились невольнымъ трепетомъ. Поровнявшись съ нами, С. А. низкимъ поклономъ отвѣтилъ на наши поклоны и привѣтствовалъ: „здравствуйте, дѣти“. Остановившись и задержавши своихъ спутниковъ, онъ съ улыбкою, не сходящей съ его старческаго благороднаго лица, любовно осмотрѣлъ всѣхъ насъ, освѣдомился о нашемъ здоровьи, а потомъ сказалъ:—„Ну, и слава Богу, что вы всѣ здоровы. Здоровье дороже всего для человѣка на этомъ свѣтѣ. Нужно благодарить Господа, что Онъ не лишилъ насъ этого счастья“. Передъ нами стоялъ не тучный, гордый баринъ, какъ мы думали раньше о С. А., а слабый старичекъ, съ лицомъ, лишеннымъ растительности и изборожденнымъ многими складками и морщинами. Въ экзаменаціонномъ классѣ насъ размѣстили по школамъ: ученики каждой школы сидѣли отдѣльно. Получилось семь группъ—по числу школъ. По срединѣ класса красовался большой письменный столъ, окруженный дюжиной вѣнскихъ стульевъ. Пропѣли „Христосъ Воскресе“. Начался экзамень. Сначала были письменныя испытанія: диктовка и письменное рѣшеніе ариѳметической задачи. Меженинскій учитель М. Д. (ученикъ Сергѣя Александровича) артистически, отчеканивая каждый звукъ, искусно дѣлая логическія и слоговыя ударенія, два раза прочиталъ одну изъ исторій Новаго Завѣта, потомъ сталъ диктовать ее по предложеніямъ, а мы писали подъ его диктовку.